

Будущего нет.
TOMORROW
never
come...

Солнце
взорвётся,
увеличившись
в
размере в
миллион раз...

Наслаждайся сегодняшним днём...

Mari Tee

ГЛАВА 33. Часть первая. В тюрьме.

Развалившись на ступеньках, я наблюдаю, как японец с непальцем гуляют в обнимку, словно муж и жена.

– Странные, Вить, всё-таки здесь в Азии понятия. У нас, в российских тюрьмах, всё намного жёстче. Здесь всем наплевать на твою сексуальную ориентацию, да и вообще, никто никаких выводов не делает, если двое мужчин, держась за руку, гуляют.

– Что, Вась, по кругу площадки не носишься? Успокоился немного? – улыбаясь, говорит Виктор, показывая на англичанина.

– Попустился немного, – смеясь, говорю я, наблюдая, как по площадке для прогулок с большой скоростью ходит наш шотландец Джеймс.

– Совсем недавно и ты с озлобленным лицом такие же круги нарезал во время прогулок.

– Хорошая сегодня погода, неохота мне по кругу ходить, можно и позагорать немного.

Мы валяемся на ступеньках перед камерой Виктора, и лениво наблюдаем за происходящим вокруг. После долгого пребывания в маленькой камере, любые новые для глаза действия притягивают внимание, как магнит.

– Как же, Вить, они похожи на обезьянок, – показываю я пальцем на группу молодых грабителей, которые сосредоточенно выковыривают вшей друг у друга из головы. Я много раз наблюдал, как это делают в природе обезьянки. Как бы тоже не подхватить вшей.

– А ты, Вась, не бойся, и всё будет хорошо. А будешь думать об этом, обязательно подхватишь.

– Ты, Виктор, как индус стал рассуждать, – возмущенно говорю я, рассматривая белые от грибка пятна на моих плечах. Я вот от грибка второй месяц лечусь. От этих обезьян подхватил. А ведь и не думал о нём совсем.

– А я тебе, Вась, рассказывал, что кровь во мне наполовину индусская течёт?

– Нет, это как это? Неужели родственники-индусы у тебя есть?

– Нет, родственников нет. Просто год назад торчал я здесь на наркотиках очень плотно. Юзал тогда всё подряд, и «кокос», и кислоту, и «димыч». На здоровье своё совсем внимание прекратил обращать, и поэтому подзапустил своё туловище. Питался плохо, и треснула у меня от этого прямая кишка, и пошло заражение крови. Чуть не помер я тогда. Положили меня здесь, в Гоа, в больницу на операцию, и сделали переливание крови. А кровь для меня пожертвовал какой-то индус. Вот с тех пор во мне индусская кровь. Я действительно, Вась, после переливания на многие вещи по-другому смотреть начал. То ли от того, что одной ногой на том свете был, то ли мне информация какая-то с кровью передалась.

– По тебе, Вить, это видно. Я вот по оплётанному полу в тапочках хожу, и под ноги брезгую смотреть, а ты легко в плевки и сопли босиком наступаешь, и не задумываешься. И философия у тебя сейчас как у индуса: «Нет вчера и нет завтра, а единственное существующее время, – это только сегодня». Ты, наверное, Вить, знаешь, что в индийском языке нет слов «вчера» и «завтра». Есть только слово «сегодня».

– Конечно же, знаю. И, не только знаю, но и чувствую это, – смеётся Виктор, отрывая у только что пойманной мухи крыло.

– Смотри, вон и Бориш на солнышко вышел погреться, – показываю я на турецкого художника, похожего на Джона Леннона. – Привет, Бориш!

– Добрая водка! – отвечает, здороваясь с нами, вечно жизнерадостный, молодой турок.

– Что-то давно тебя не было видно.

– Я последнее время днём сплю, а ночью рисую, депрессия у меня. Целый месяц сижу уже, а дело моё совсем не двигается.

– Да ладно, прекрати, Бориш, депрессия у него. По твоей статье, за просрочку визы в полгода, никто ещё больше месяца не сидел.

– Всё равно страшно. Феликсу вон, три года за это дали.

– Ты себя с Феликсом не сравнивай. Во-первых, Феликс – негр. Их тут сотня в Гоа без виз живёт, во-вторых, у него три года как просроченная виза, и один побег из полиции. А тебя сегодня-завтра выпустить должны. Заплатишь штраф долларов триста, и выйдешь. Вон у Елисея тоже полгода просроченная виза была, и вдобавок побег из психушки, а заплатил штраф, – и выписали его на волю.

– Елисей – он сумасшедший, от таких судье проще избавится, меньше проблем будет. А я – нормальный, как мне кажется, – смеётся Бориш, сделав лицо, как у дебила. – Не нравится, что мой адвокат уже два раза в суд не являлся.

– Где же ты, Бориш, такого адвоката нашёл? – удивленно спросил Виктор, раздавив пальцем на полу приговорённую и обескрыленную муху.

– А мне Ашпак, мафиози ваш тюремный, телефон его дал. Он сказал, что это лучший в Гоа адвокат. Я последнюю тысячу долларов заплатил. А он месяц уже не появляется. Вот я и нервничаю оттого, что денег больше нет.

ГЛАВА 33. Часть вторая. На воле.

– Привет, Мулик, наконец-то, хоть кто-то из моих старых друзей в Гоа приехал. Сколько же мы не виделись, – говорю я, обнимая своего друга.

– Здорово, Вася, я тоже рад тебя видеть. Ты как из рашки уехал, с тех пор мы и не виделись. Хорошо выглядишь. Кстати, познакомься, это Люся, моя девушка. Мы с ней вместе сюда прорывались.

– Приятно познакомится, – я протягиваю руку высокой блондинке с большими голубыми глазами и длинной русой косой.

Мой друг, худощавый парень почти на голову ниже её, выглядит рядом, как младший брат. Валеру по кличке «Мулик» я знал уже лет десять. Давно, когда у меня был свой татуировочный салон, он подрабатывал у меня пирсингистом, прокалывая людям за их деньги уши, ноздри, пупки и прочие места, самые необычные. Мулик, так же, как и я, в то время с удовольствием принимал лёгкие наркотики, посещая вместе с нашей компанией все пати и оупен эйры. Но, особенно мы любили тогда ездить на психоделическую рыбалку. Купив с вечера грамм амфетаминов и коробок травы, мы садились на мой катер, и плыли ночью в протоки, где, найдя какой-нибудь необыкновенной красоты остров или залив, слушали всю ночь интеллектуальную музыку, рассуждая о религии, философии и мироустройстве. Мулик, так же как и я, увлекался психоделической литературой, проводя свободное время за чтением книг Уилсона и Маккены. Целыми ночами, на островах, мы могли обсуждать какую-нибудь книгу, периодически занюхивая по дорожке амфетаминов. А утром, на ранней заре, мы, обдолбанные и обкуренные, ловили здоровенных щук и окуней, получая от этого безумное удовольствие. После моего первого возвращения из Индии, Валера, наслушавшись моих рассказов о Земле обетованной, так же как и большинство моих друзей, загорелся желанием уехать в Гоа. Но, в отличие от всех, он сделал всё, чтобы сюда попасть.

– Ну, рассказывай, Мулик, как же так получилось, что пришлось тебе бежать из России с чужим паспортом?

– Сам в это, Вась, ещё до конца не верю, всё как будто бы во сне было. С тех пор, как ты в Индию уехал насовсем, я стал драгзами немного при-торговывать. Ничего серьёзного: «экстази», амфетамины, траву. Всё для своих друзей-тусовщиков помогал доставать. Два года я спокойно при-торговывал, не очень парясь. И, как-то незаметно, оборот у меня до десяти штук баксов в месяц вырос. Сеть покупателей так разрослась, что развозить наркотики я стал с утра до вечера. Жить стал просто припеваючи. Думал, вот ещё чуть-чуть заработаю, – и в Гоа, на пенсию поеду. Нужно было всего лишь сто штук баксов заработать, купить какую-нибудь недвижимость, сдать её, и жить здесь на эти деньги припеваючи. Но, как-то раз пришли ко мне домой менты и показали видеозапись, точнее три разные записи, снятые скрытой камерой, где видно, как я «экстази» продаю. Забрали у меня менты товара на десять штук и сказали: «А теперь ты, брат, на нас работать будешь. Теперь тебе надо платить нам ежемесячно и сдавать потихоньку своих друзей. Иначе, посадим мы тебя лет на десять». И список мне показали всех наших психоделических дружков, кто по клубам тусуется, со всеми именами и фамилиями. Забрали менты мой паспорт и дали неделю на то, чтобы я им, на первый раз, ещё десятку зелени принес. Вот и решил я тогда, что пора мне из страны этой ссученой бежать. Есть у меня дружочек в России, слегка похожий на меня. Проколлот я ему уши, поставил туннели сантиметровые, как у себя, бородку как у меня ему подравнял и сфотографировал. С этой фотографией пошел он в ОВИР, и сделал себе загранпаспорт. А потом с его паспортом прошёл я три границы, сначала на Украине недолго пожил, надеясь, что менты забудут про меня. Но, через месяц узнал, что начала искать меня милиция, подав мою фамилию во всероссийский розыск. Решили мы тогда с Люськой с Украины паромом в Турцию переправится, чуть было не спалились на границе. Пограничник начал было придраться, что, мол, форма черепа разная у меня в жизни и на фотке, но, Люся моя спасла ситуацию. Стала ему на ходу историю сочинять про операцию на черепе, которая, якобы, была после автомобильной аварии, – а очередь большая в порту, махнул на нас рукой пограничник, и пропустил через границу. Так мы оказались в Стамбуле. Там деньги у нас все закончились, пока мы визу индийскую неделю ждали. Пришлось продать свой ноутбук и фотоаппарат. А уж для турецких и индийских пограничников мы, как китайцы, – все на одно лицо. Прошли быстро, без всяких вопросов. Никто наши фотки в паспортах не рассматривал. Мы уже неделю в Гоа тебя, Вась, ждём, нам Ленка твоя сказала, что ты в Тайланд уехал. Как там?

– Хорошо, Мулик, там, но нам туда рано ещё. Там хоть и недорого всё, только денег уходит в два раза больше. Выбор удовольствий, на

что потратиться, слишком большой там. Это в Индии не на что деньги тратить, а в Тайланде столько соблазнов, что устоять невозможно. Но, самое главное, люди там не такие, как здесь. Здесь, как дома, а там – как в гостях себя чувствуешь. Чтобы деньги там зарабатывать на наркотиках, рискуя своей жизнью, яйца нужно иметь большие, а они у нас с тобой ещё не выросли. Посмотри, вон цыганка на пляже пытается что-то продать абсолютно белому толстому туристу. Видишь, он испуган и не знает, как от неё отделаться, и готов купить всё что угодно, лишь бы она ушла? Так вот, в Тайланде все такие туристы, фриков там очень мало.

– Мы тут, Вась, за неделю поняли, что Гоа – это место для нас. Здесь мы теперь жить будем. Кстати, Вась, работа у тебя какая есть? Мы тут у твоей Лены денег заняли, деньги нам нужны позарез.

– Не переживай, Мулик, найдем мы тебе работу. Хочешь, управляющим моего рестика становись, денег немного, но половину прибыли я готов отдавать, если за меня мою работу делать будешь. Основной доход тут везде, как всегда, с наркотиков. Можно легально долларов пятьсот поднимать, но, если на пати ходить будешь, то под штуку баксов будешь зарабатывать.

– Не хотелось бы наркотиками снова торговать, но выбора у меня нет. Когда ближайшее пати?

Подъехав к «Парадизо» на восьми скутерах, мы паркуемся, и я снова объясняю вновь прибывшим туристам, как пройти в клуб, не платя денег.

– Одежды, причёски у вас фричные, поэтому ничего не надо платить, обращаюсь я к моим друзьям, вставшим в полукруг. Это наша культура, мы живём трансвой музыкой, такие люди, как мы, привезли транс на эту землю. Пошли они в жопу, эти индусы, деньги им ещё платить. Если мы, фрики, не будем сюда ходить, кто тогда к ним в клуб ходить будет? Рыбаки с крестьянами? Пусть на двухнедельных туристах деньги зарабатывают, – возмущенно обращаюсь я к Мулику, забыв, что со мной приехали почти все мои жильцы, остановившиеся у меня всего на две недели. – Я первый сейчас пойду, посмотрите, потом сделаете рожи кирпичом – и вперед.

Пройдя в клуб первым и не заплатив ни копейки, я наблюдаю, как Мулик и другие недавно приехавшие туристы вяло что-то мямлят охранникам. Через минуту вся толпа разворачивается в сторону кассы, чтобы оплатить входные билеты. Не смотря на трансвую одежду и модные гоанские стрижки, им не удаётся провести бывалых охранников, которые с первого раза отличают только что приехавших от живущих здесь фриков.

– Ну что же вы? Не смогли убедительно рассказать охранникам, что вы здесь живете и что пати ваш дом? Всё, граждане туристы, на этом месте я вас покидаю, наслаждайтесь, танцуйте, если наркотики закончатся, найдите меня или Дэна на танцполе.

– Да мы так и говорили, просто не так уверенно, как ты, – виновато говорит подружка Мулика.

– Ну ничего, несколько раз заплатите, потом научитесь бесплатно заходить. Пойду я, пока с челябинской братвой сначала поздороваюсь. Они уже не двухнедельники, с ними хоть о чём-то поговорить можно.

– А я пойду, Мулику клуб покажу, – говорит Дэн, направляясь в чиллаут, где сидят мама-чай.

– Здорово, чуваки, хорошо сегодня зажигаете, – обращаюсь я к трём парням, раздетым по пояс.

– Да, сегодня крутая вечеринка. Сегодня наш земляк Шелсик играет, знаешь такого? – не прекращая танцевать, кричит мне на ухо Женёк, пытаюсь перекричать музыку из колонок.

– Конечно же знаю, это же Тамировская компания, Шелсик очень хороший ди-джей. – Как, Вань, у тебя дела? – обращаюсь я к лысому парню, танцующему с ошалелыми глазами.

– Нормально, Вась, у меня дела. А вот про твой сговор с Кириллом Морозом я давно всё понял. Не выйдет у вас ничего, – хитро прищурившись, сообщает мне Ваня, видимо думая, что я должен понимать, что он имеет в виду.

– Всё, понял, Вань. Вопросов у меня к тебе больше нет. – Что, Жень, так и едет крыша потихоньку у Вани?

– Да, – улыбаясь, говорит Женёк, повернувшись к Ване спиной. – Хоть и не смешная это тема, но мы сделать ничего не можем. У Вани с наркотиков параноя началась, всех в сговоре обвиняет. Мы уж говорили ему, чтобы хоть недельку отдохнул, но не слушает он нас. Каждый день чего-нибудь употребляет. Кстати, Вась, познакомься, к нам дружок приехал. Сергей его зовут, тоже наш, челябинский шиваит.

– Приятно познакомится, – протягивая мне руку, говорит парень с простым русским лицом. – Спасибо хочу тебе сказать большое.

– За что?

– Мы вчера у Дэна твоими драгами затарились, я такого качества ещё не встречал. У нас, видимо, до Челябинска все наркотики уже разбавленными доходят.

– Спасибо, Серёг на добром слове, просто я сам эти же наркотики ем, поэтому покупаю самые лучшие. А разбавлять наркотики – это не

мой стиль. Пойдёмте чилум покурим, – предлагаю я, разворачиваясь в сторону чилаута.

– Нет, мы не можем сейчас, мы по полграмма МДМА съели уже, остановится навозможно. Да и трек фантастический сейчас играет. Мы позже, когда поотпустит, подойдем. – Кстати, Вась, а кто это там возле колонок танцует? – спрашивает меня Женёк, показывая пальцем на седого старика, скачущего, как юноша.

– А, это Сергей Одесский, он восемь лет уже здесь скачет.

– Мы давно, Вась, наблюдаем, как этот седовласый старик с белой бородой здесь танцует, и всегда возле колонок. Он в руках всегда железные шары крутит. Ты не знаешь, что это такое?

– Медитирует, Жень, он так, видишь, в трансе находится. А что ты, Жень решил спросить про него?

– Да так, просто я на прошлом пати видел, как полицейские его за волосы вытаскивали из клуба, мы думали посадят его, а нет опять скачет. Ни одно пати без него не обходится.

– Ладно, колбастесь, парни, пойду я тоже чем-нибудь закинусь, увидимся позже.

Подойдя к нашей циновке, я вижу, как Дэн нарезает своими водителскими правами на блюде дорожки МДМА.

– Кто-нибудь будет? – спрашивает он, обращаясь ко всем сидящим вокруг.

– Ой, а что это такое? – интересуется Оля, смазливая девушка лет тридцати, недавно приехавшая жить в наш дом. – Я вот только кокаин и экстази пробовала.

– Ну если пробовала, нюхай спокойно, это самое чистое экстази в твоей жизни.

Занюхав одну дорожку, я тут же принимаю из рук Лёхи Спонсора раскуренный чилум.

– Катам, Лёха, чистить надо, – говорю я, доставая из сумки сафи и стик¹.

– Слушай, Вась, меня разрывает от прихода уже на части. Почисти за меня чилум, а то там Тамир встал за пультом, побегу я пока потанцую. Только не бросай его без присмотра, это любимый мой чилум, – убегая, кричит Лёха.

Положив чилум на середину циновки, я начинаю наматывать сафи на резной стик, сделанный из красного дерева.

– Слушай, Вась, что они на нас пялятся? Это не менты случайно? – говорит Мулик, показывая на двух подозрительных индусов в чёрных брюках и лакированных туфлях.

¹стик- палочка.

Подойдя к нам совсем близко, один из подозрительных индусов нагибается и берёт Лёхин чилум в руки.

– Кто хозяин этого чилума?

Понимая, что это полиция, никто не решается взять на себя ответственность за содержание нашего «стола».

– А в чём дело?

Поднявшись, я пытаюсь выхватить из рук индусского мента Лёхин чилум. Боковым зрением я вижу, как Дэн, успеваешь смахнуть рукой с блюда несколько оставшихся дорожек.

– Пойдем на выход, нам нужно с тобой поговорить, мы из полиции.

Выйдя из клуба, полицейский сразу же начинает обыскивать мои карманы. Только бы не стали открывать мой старый фотоаппарат Кодак, набитый под завязку драгами, лет этак на десять тюрьмы.

– Что это? – показывает мне мент на найденную в моём кармане, специально не спрятанную на такой случай, «отвлекающую» толу чараса.

– Это незаконно в Гоа, мы вынуждены вас арестовать. Найдя фотоаппарат в моей сумке, он трясет его возле уха, не решаясь открыть. Сэр, вы должны пройти с нами в полицейский участок.

– Может деньги возьмете?

– Нет, сэр, мы должны вас задержать, – с серьёзным лицом говорит мне второй мент, схватив крепко меня за локоть.

Я начинаю играть спектакль, финал которого мне уже понятен. Надо блефовать, что у меня мало денег и соглашаться на полицейский участок. Все равно они меня туда не доведут. Пятнадцать минут переговоров по дороге в полицию и я договариваюсь купить свою свободу за пятнадцать тысяч рупий.

– Вот возьми, здесь только тринадцать, – протягиваю я кучу мятых купюр, зная, что у меня только семь.

Полицейский, возвращая мне чилум, быстро, не пересчитывая, сует деньги в карман и, торопливо пожав мне руку, уходит.

– Ну слава Богу, а мы уже думали ехать в полицейский участок, тебя выручать.

– Спасибо, что прикрыл, – говорит мне Дэн, доставая ещё грамм МДМА. Если бы меня, Вась, приняли вместо тебя, я бы так не отмазался, в моей сумке чего только нет.

– Сколько раз я тебе говорил, Дэн, купи индийский фотоаппарат за пять долларов, и храни всё в нем. Кончились те времена, когда в кармане хранить можно было всё, что угодно. И ты, Мулик, обязательно себе купи такой же, это же ваша безопасность.

– Привет, Вася, что у вас за суета? Я видел, как тебя двое уводили. Полиция?

– Здорово, Ибрагим, все уже нормально, – протягиваю я руку худому фрику с выпученными глазами и стянутыми на затылке длинными чёрными волосами. Вокруг Ибрагима, как всегда, тусуется стайка молодых красивых девушек, ждущих, когда он в очередной раз начнет курить фри бэйз², или распакует ещё один грамм кокаина. Ибрагим не продаёт наркотики в Гоа. Здесь он идейный проповедник кокаина. Когда-то где-то прочитав, что майянами просчитан Конец Света в 2012 году, Ибра стал готовиться. Он бросил вести обычный, социальный образ жизни, и стал искать способ рациональнее провести оставшееся до Конца Света время. Перепробовав все виды наркотиков, он понял, что кокаин – это то, что ему нужно. Пообщавшись с Иброй минут пятнадцать, никто не мог уже сомневаться, что он искренне верит в Конец Света, предсказанный мудрыми индейцами.

– Много денег-то, Вась, ментам отдал?

– Да немного, Ибра, около двухсот баксов всего.

– А что нашли у тебя?

– Одну толу чараса. Я его специально всегда в кармане, для отвода глаз кладу, чтобы глубже не искали. За толу недорого откупиться можно. Просто у меня в фотоаппарате двести капель ЛСД, десять грамм «дымча» и тридцать грамм гашла. Если бы меня в полицию отвели, могли бы там фотик открыть.

– А я бы за одну толу больше двадцать долларов не дал бы ментам, – хвастаясь, говорит Ибра, поглаживая по бедру, сидящую рядом юную волшебницу.

– Да хватит, Ибра, соль сыпать на раны, мне бы сейчас забыться поскорее, ведь мог бы в тюрьму поапсть, а ты все напоминаешь.

– Хочешь фрибэйса дунуть? Я угощаю.

– Ох, Ибра, Ибрагим, я же тысячу раз просил тебя не предлагать мне и моим друзьям свой дьявольский наркотик. Я не встречал ни одного человека, который попробовав его, отказался бы пробовать во второй раз. Я видел только десятки таких как ты, которые курят его каждые полчаса, днём и ночью. А когда у них нет фрибэйса, они испытывают приступы паранойи и безумной депрессии. Мало того, что ты хочешь к 2012 году сам сдохнуть, но и молодых людей тащишь с собой.

– Ты прав, Вася, – вмешивается Мулик, пытаюсь меня успокоить. – Пока ты с ментами договаривался, я попробовал первый раз фри-бэйса.

²фрибэйс – он же крэк, он же кристаллический кокаин.

Ощущения очень приятные, только чувствуешь их всего десять минут, а потом ещё хочется.

– Не то слово, «приятные», – дьявольски приятные ощущения, – улыбаясь, добавляет Ибра. – Одна затяжка, и прямиком в ад. Это лучшие в мире ощущения. Словно ты становишься центром Вселенной и всё кружится только вокруг тебя и для тебя. Кто тебе, Вась, мешает торчать на крэке каждые полчаса? Торгуй божественной кокой и будет у тебя всегда свой кайф. Будущего нет. Tomorrow never come. В двенадцатом году солнце взорвется, увеличившись в размере в миллион раз, и поглотит нашу планету. Наслаждайся сегодняшним днём. А вон и Шелсик идёт. Он меня поддержит, он больше в Апокалипсисе разбирается.

Прекратив свою агитацию, Ибра показывает на парня с суровым, редко улыбающимся лицом, идущего в нашу сторону.

– Сейчас он опять будет «первым» у меня интересоваться

– Привет психоделическая братва, у вас «первого» нету? – даже не успев поздороваться, обращается к Ибрагиму Шелсик.

– У меня «кокос» закончился, – начинает оправдываться Ибра, делая одновременно серьёзное и несчастное лицо.

– А у меня и не было никогда. Ты же знаешь, Шелсик, я к нему не при трагиваюсь потому, что не люблю. Могу тебя первоклассным непальским чарасом накурить, такого ты никогда не пробовал, – говорю я, протягивая мягкую, сплюснутую в лепёшку, толу.

– Нет, Вась, у меня свои базовые понятия, я непальский чарас не курю. Не умеют его непальцы делать. Я курю только манальский крим. Как, кстати, вам мои новые треки? Или вы тут зависли и ничего не слышали?

– Нет, ты что? Музыка сегодня супер, вы с Тамиром лучшие ди-джеи, и музыка у вас самая лучшая, – наперебой начинают отвечать комплименты сидящие рядом подружки Ибры.

– Спасибо девчёнки, приходите на следующей неделе, я опять играть буду. А сейчас я пойду «первого» где-нибудь вырублю, балдейте дальше.

– Я тоже с тобой пойду, прогуляюсь, – поднимаясь, говорит Ибра. За ним вслед торопливо соскакивает с места его три смазливые подружки в коротеньких юбочках.

– Вась, Вась, мне так хорошо сейчас было, как никогда ещё не было, – дёргает меня за руку подбежавшая вдруг Оля. Её взгляд напоминает взгляд похотливой шлюхи во время оргазма. – Мне так хорошо, Вась, было, пока один парень меня бутылкой пива не угостил. И, мне кажется, он подсыпал что-то туда. Мне так страшно стало, побудь со мной, не бросай меня одну.

– А с чего ты, Оля, взяла, что тебе подсыпали что-то? Ты что, видела своими глазами?

– Нет, не видела, просто он так мне в глаза посмотрел, что мне страшно стало. Я даже не знаю, что ожидать. Я читала в книжках, что такое бывает, подсыпают порошки всякие. Что со мной теперь будет?

– Да ничего, Оль, не будет, максимум – трахнут тебя в кустах, по твоей же просьбе.

– Ну, этого я не боюсь.

– Ну, если не боишься, тогда беги, танцуй. Пока тот, кто тебя пивом угостил, другу себе не нашёл.

– Спасибо тебе, Вася, ты меня успокоил, мне снова хорошо, как никогда! – целуя меня в щёку, Оля убегает, размахивая руками.

– По-моему, ей, как Ване, не надо никаких наркотиков, не продавай ей, Дэн, больше ничего.

После ночных приключений догоняться мне больше не хочется.

– Кто-нибудь будет ром? – говорю я, отодвигая стакан с недопитым чаем.

Мы – последние посетители клуба, сидим, развалившись, на больших кожаных диванах, недалеко от бара. Солнце уже поднялось высоко, вынудив всех передвинуться в тень. Вся наша компания пьяная, обдолбанная, полусидя-полулежа всё ещё веселится, не желая, чтобы праздник закончился. Музыка уже давно выключили, но бармен всё ещё с удовольствием продаёт нам выпивку. Чилумы раскуриваются не переставая. Развалившись на диване, я одной рукой обнимаю свою Лену, а другой Илку. Вот она какая, индийская нирвана, праздник жизни, который никогда не заканчивается. И даже, если скоро придёт смерть, – это не конец, потому, что мы молодые, пьяные и счастливые. «Tomorrow never come» – повторяется в моём мозгу, как момент какого-то просветления. И всё это накрывается волнами MDMA, заставляя моё тело покрываться мурашками удовольствия.

– А кто это там на нас пальцем со второго этажа показывает? – смеясь, говорит пьяная и весёлая Илка, стараясь сфокусировать зрение.

На площадке, расположенной на крыше клуба, стоит Шелстик и, что-то жестикулируя, объясняет индусу, периодически показывая пальцем на нашу компанию.

– Не волнуйся, Илка, это свой, это ди-джей Шелстик, а этого индуса, что рядом в лакированных ботинках, я где-то уже видел, – объясняю я пьяным, уже заплетающимся языком.

– А поедете к нам на балкончик, афтепати устроим, – предлагает первым кто-то, кому уже нет места в тени на диванчике.

– Сейчас покурим, и пойдём, – улыбаясь, кричит Дэн, поджигая очередной чилум.

Становится очень жарко.